

АНТОНИНА КОПТЯЕВА

КАК Я БЫЛА ДОКТОРОМ

Д

Литературно-художественное издание
ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Коптяева Антонина Дмитриевна

КАК Я БЫЛА ДОКТОРОМ

Рассказы

Ответственный редактор *Р. Н. Ефремова*. Художественный редактор *Т. М. Токарева*. Технические редакторы *Л. П. Костикова*, *Т. П. Тимошина*. Корректор *Е. А. Сукьян*.

ИБ № 9475

Сдано в набор 17.08.87. Подписано к печати 29.08.88. Формат 84×108/16. Бум. офсетная № 1. Шрифт школьный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,04. Усл. кр.-отт. 21,84. Уч.-изд. л. 5,25. Тираж 100 000 экз. Заказ № 6942. Цена 45 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Коптяева А. Д.

К65 Как я была доктором: Рассказы/Художн.
Е. Кольцова.— М.: Дет. лит., 1988.—48 с.: ил.
ISBN 5—08—071887—9

Рассказы известной советской писательницы о своих наблюдениях над птицами, животными и растениями. Автор хорошо знает и любит природу, внимательно и заботливо относится к ней.

К 4803010102—470
М101(03)-88 232—88

ББК 84Р7

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

АНТОНИНА КОПТЯЕВА

КАК Я БЫЛА ДОКТОРОМ

РАССКАЗЫ

ХУДОЖНИК Е. КОЛЬЦОВА

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1988

ББК 84Р7

К65 р2

2-3

К 4803010102-470 232-88
М101(03)-88

ISBN 5-08-071837-0

© Издательство «Детская литература», 1988

ОГНЕННОЕ ОКО

Май тысяча девятьсот восемьдесят третьего года выдался в Подмосковье горячий и засушливый — ни одного дождя. Буйно росли травы на лугах после обильных зимних снегопадов, а вспаханные поля и огороды жадно просили пить. Жара до тридцати одного градуса. Поливали только вечерами — днём вода из леек и распылителей шлангов падала, как на горячую сковороду.

Я вообще обожаю поливать цветочные клумбы и огородные гряды. Если бы была моя воля, то день-деньской да и ночью ходила бы босиком по тучам и посылала дожди на страдающие от зноя земли. Как радостно, когда прибьётся пыль и на освежённой почве распрямляются поникшие всходы и цветущие растения и заблестит зелень напоённых влагой листьев. Слава дождю! Радуюсь доброй прохладной воде большой реки, каждого источника и самой маленькой леечке — несущей жизнь.

Может быть, поэтому не боюсь утонуть даже в шторм, хотя могу проплыть «собачьим стилем» не больше ста метров, и то на тихом течении.

Оттого люблю и грозы, с детства привыкнув к нашим бурным дальневосточным ливням, когда небо раскалывается от молний и грохота грома. Хожу, не прячась, в любую грозу. Ненавижу только град, за считанные минуты уничтожающий красоту, с таким трудом выращенную, выхоженную человеком.

Может быть, за все эти пристрастия мне выпала двадцать третьего мая, в двадцать два тридцать вечера, радость необыкновенной встречи с космической гостьей. Я выпустила её из рук как оранжевого цыплёнка...

Было сумеречно. На небе с южной стороны глядел сквозь лёгкую дымку мутно-красный почти полный месяц. Деревья в лесу и яблони в саду стояли неподвижно — ни ветерка.

Полив грядки, я наклонилась просунуть резиновый шланг под нижнюю верёвочку — ограждение от собак. Держала обеими руками отпотевший шланг, а из железного наконечника длиной около полметра, прикреплённого медной проволокой, била струя воды.

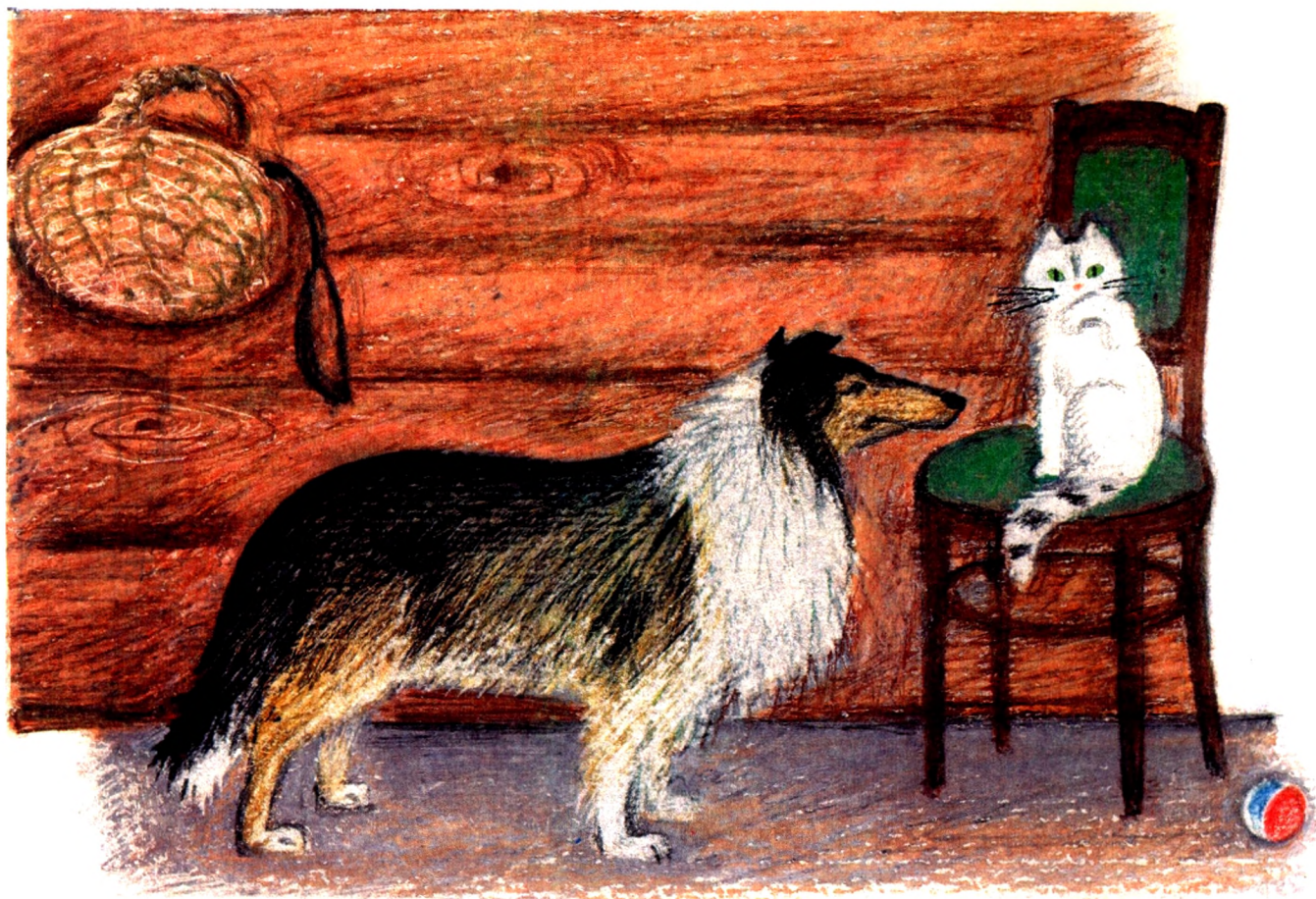
И вдруг на наконечнике, сантиметрах в пятнадцати от моих сложенных ковшиком ладоней, почти под носом возник огненный

шар величиной с крупное яблоко, с тёмной чёрточкой окаёмки по совершенно правильному очертанию своего круга, весь словно невиданный плод, налитый глубинным ярким пламенем. Не шелохнувшись, я заворожённо смотрела в это огненное око.

Мелькнула мысль: кто-то пульнул в меня из-за штакетника забора. Но чем? Не разгибаясь, тихонечко поворачиваю голову. Собака Стрел-

ка спокойно сидит за грядками и смотрит в щель на улицу. Значит, там никого нет. Оборачиваюсь обратно, а шар уже исчез. Сразу не очень сильный удар грома и ливень почти из ясного вечернего неба — месяц-то так и смотрел сквозь струи дождя, мутный и красный.

Только тогда стало ясно, что это была шаровая молния, «присевшая» на металлический наконечник шланга. Куда и как она ушла? Вот была досада! Повезло так близко заглянуть в космическое око — лицом к лицу, и упустила продлить это мгновение. Возможно, если бы и вздрогнула или бросила шланг, то она могла бы взорваться... Потом все ахали и говорили: «Какой ужас!» А я сердилась: почему «ужас», ведь так интересно! И всё-таки успели проследить, куда она от меня ускользнула. Напротив этого места прогал в лесу, словно коридорчик к погребу. Тут она и промчалась.

Моя помощница Ульяна Лебедь стояла на крыльце кухни и увидела, как над погребом пролетела косо вверх молния, но не в виде

шара, а пучком света, блеснувшим из леса, и тоже услышала единственный удар грома.

Дождь этот, так нас обрадовавший, прошёл лишь над нашей дачей, примерно до трёхсот метров в радиусе: ни в Соснах, ни в Успенском и деревне Аксиньино его не было. И пришедшие к нам утром из санатория «Сосны» Тамара Бездеткова и Нина Карама, и наша соседка Евдокия Фалина подивились и позавидовали.

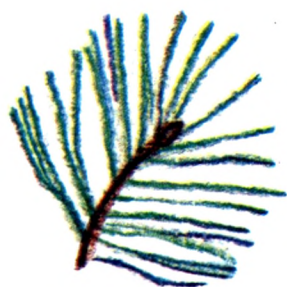
В этот день, тоже после десяти часов вечера, над нами опять разразилась гроза при том же красном месяце. Но тут хоть туча находила с юго-запада, пепельно-серая, с прожелтью и тонкими белыми краями. Мы забоялись: не хватил бы град. Извилистая молния распоролa правее месяца потускневшее небо сверху донизу, ударил громище — всё затряслось, и сразу обрушился такой ливень с ураганным ветром, что над нашей поляной заметались, забушевали вкривь и вкось в сплошных струях дождя сизые волны тумана. Как будто на палубе корабля в бурю. Полчаса. Час. И наступила тишина. Пошли смотреть яблони. Всё цело. А на дорожках и меж гряд глубокие лужи. Воздух — чудо! Свежий, чистый, дышащий зеленью леса и озоном.

И все снова нам завидовали:

— Как вам повезло: так хорошо опять полило! А у нас одна пыль. Да, трижды повезло!

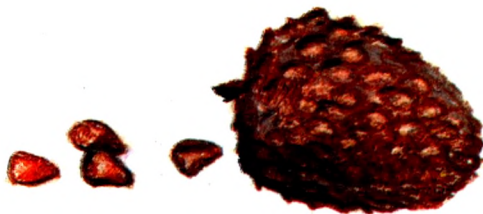
КЕДРОВКА

Казалось, у нас в саду перебивали все представители птичьего мира Подмосковья. Прилетали на кормушку и щеглы, и чижи, но, правда, долго не задерживались.

А однажды было нашествие кедровок, моих дорогих сердцу землячек по Якутии. И откуда они взялись — не знаю. Но прилетели! Лет шесть назад, осенью. Я сразу узнала их хрипловатые голоса, их тёмное с белыми крупными крапинами оперенье и светлые большие клювы. Они пасутся по кедровникам, по кустам кедрового стланца на горах, летом их тоже кормит матушка тайга.

А у нас они ничего не нашли. Семена ели тоже не уродились. Безбоязненно доверчивые кедровки не улетали даже тогда, когда мы проходили под ветками, на которых они сидели. С одной я разговаривала, рассматривала её, она наклонила ко мне головку, вслушивалась, будто желая понять, и тоже что-то тихонько, тихонько говорила мне, совсем не тем голосом, каким они кричат своё «кряк-кэрр». Ни хлеб, ни крупы есть не стала.

Исчезли они так же внезапно, как появились. И жаль было их, и осталось тёплое воспоминание о днях юности — будто принесли привет из родной тайги.

УЛЕТАЙ, ПЕТЯ!

Эту красивую птичку с ярко-жёлтыми полосками на чёрных крыльях и красной головкой с белыми щёчками нам подарили в первый год жизни на даче. Мы назвали щегла Петей, потому что он, став общим любимцем, много и отлично пел. Весёлого нрава, очень деятельный, он любил общество и каждого из нас встречал радостной песенкой. Перелетал по клетке, перебирал клювом прутья решётки, не то пробуя их крепость, не то пытаясь извлечь какие-то звуки. Я нарочно подавала ему тонкие сухие прутики, и он охотно подтаскивал их в клетку. Иногда мы выпускали его, и он, полетав по комнате, возвращался к себе.

Так прошла осень. И всю зиму наш певун развлекал всех своими звучными песенками, скрашивая самые мрачные короткие дни, когда от его мелодичных трелей как будто рассеивался серый сумрак пасмурной непогоды.

А когда наступила солнечная тёплая весна и свежий воздух лился потоками в открытые окна и двери вместе с пением птиц, щебечущих на все лады в ожившем лесу, Петя вдруг погрустнел. Стал меньше петь, часто сидел нахохлясь в уголке клетки. А тут ещё стали подлетать стайки щеглов. Заслышав знакомые голоса, наш щегол начинал волноваться, бегал по жёрдочкам и даже дёргал — пробовал распутать тоненькую мягкую проволочку на своей дверке.

Мы выносили клетку на веранду, подвешивали на деревьях в саду так, чтобы не достали кошки. Щегол чудно пел, но дикие собратья не подлетали к нему, и всё реже слышались их песни. Наступала пора выводить птенцов, и птицы торопились к местам гнездовий.

— Давайте отпустим Петю, пусть он тоже найдёт себе подружку. Не раздумывая долго, я в ослепительно солнечный день выпустила

щегла на волю. Из клетки он вылетел немедленно, весело взвился кверху и... опустился на голый сучок сосны напротив гаража.

— Улетай, Петя! Не надо так сидеть здесь!— кричали мы ему, но он продолжал неподвижно оставаться на этом сучке, и ни одного щеглёнка вокруг уже не было.

Выходит, он отвык от воли и растерялся перед необъятностью мира, открытого перед ним.

Мы поминутно выскакивали из дома, занимались садовой работой, чтобы щеглу не было так одиноко. Я вынесла клетку и, открыв её, поставила на будку, где стояли газовые баллоны, в надежде, что щегол влетит в неё, как это бывало в комнате. Нет, крошечный живой комочек всё так же молчаливо прижимался в вышине к голому сучку сосны, забыв обо всём.

Уже вечер наступал, а птичка, как оглушённая, всё сидела на месте.

— Улетай, Петя! — чуть не со слезами кричали мы, а он даже не шевелился, не понимая опасности, нависшей над ним.

Я выходила и ночью... Где-то близко ухал филин, шарахались над площадкой двора совы. Петя! Даже на тёмном ночном небе можно было разглядеть чёрный силуэт крошечной беззащитной птички на торчащем в пустоте сучке. И когда рассветало и всё в лесу пело, радуясь теплу и весне, наш певун молча и так же неподвижно сидел на месте. Может быть, эта неподвижность спасала его до времени от смертельных врагов.

А среди дня на вторые сутки он исчез. Может быть, он стал добычей кобчика. Мы даже не подумали, что наш Петя не умеет жить на воле.

МОИ ДЕВЧОНКИ

Мороз тысяча девятьсот семьдесят девятого года был необычен для Подмосковья — больше сорока девяти градусов! Для садов и ягодников он явился не просто испытанием, а гибелью. Не выдержали и самые зимостойкие сорта.

Наши птицы благополучно перезимовали только благодаря кормушкам. В поле и в лесу, на дорогах — везде попадались мёртвые воробьи и синицы.

Лет за пять до этого я купила в Матвеевском совхозе двадцать пять молодых яблонек-восьмилеток очень хороших сортов и посадила их среди старых уже деревьев.

Старые деревья давали массу плодов, а молодые хорошо прижились рядом.

Ухаживали за ними мы сами, а яблоки ели все родные и знакомые. Увозили их от нас большими корзинами, мешками, целыми багажниками. Много мы отдавали в детские сады. На удобрения мы не скупилась, поливали в засуху. Червивых яблок у нас никогда не было, и во время сбора золотой чистой антоновки на террасах будто солнце светило, а румяный штрейфлинг и алая Краса Башкирии вносили все оттенки зари.

Красивое, но ужасно хлопотливое хозяйство, бравшее много времени и сил.

Мороз тысяча девятьсот семьдесят девятого года вызнобил до корней нашу дивную махровую сирень.

Погибли старые яблони: чудные антоновки, белый налив со слад-

кими и сочными, как груши, яблоками, вымерз и штрейфлинг — осеннее полосатое. Хорошо сохранились лишь две плодовые грушовки и одна Краса осени.

А мои матвеевские яблони? Мои девчонки? Они к тому времени подросли и за год перед морозом так сильно цвели, будто хороводы

девушек в белых платьях кружили в старом саду. После жестокой зимы они стояли голые, чёрные до конца июля.

Старые яблони пришлось выкорчевать, а эти я ещё надеялась вылечить и каждый день опрыскивала то мочевиной, то зольным щёлком, то просто водой, стараясь внекорневой подкормкой не дать за-

сохнуть ветвям и как-то поддержать, растормошить после морозных ожогов.

И вот в конце июля на них появились маленькие, робкие листики. Они словно просыпались, но ещё боялись раскрыть глаза, не веря своему оживлению. А к осени оделись по-настоящему.

И вот живут, цветут, плодоносят. Одни выглядят прекрасно: десертное Петрова, Слава Мичурина, одна мельба, два коричных, антоновки почти не пострадали.

На одной мельбе вымерзли почти все скелетные ветви, а ствол уцелел, и я сделала ей крону за счёт дичков — нагнула их, притянула шпагатом к вбитым в землю колышкам, и уже два года были яблоки, и нынче вся в цвету.

Те яблоньки, на которых получились раны от вздувшейся пузырями и опавшей коры, я подлечиваю каждый год, и они тоже чувствуют себя хорошо.

Два кортланда и «золотая осень» (крупные сладкие яблоки с лимонным привкусом, чистого жёлтого цвета) обмёрзли почти до подвоя, осталось по две-три веточки; мы их тоже не выкорчевали, а подкармливали, опрыскивали, и нынешней весной они уже имеют невысокую крону и тоже покрылись цветом.

Интересно было ухаживать за молодой мельбой и двадцатичетырёхлетней Красой Башкирии. Их мороз облупил беспощадно. У Красы остался узенький «ремень» коры всего в два пальца шириною от земли до кроны. Пришлось снять омертвевшую макушку и часть скелетных ветвей. Яблоня стала похожа на «шпалерное» дерево, что растёт на голых утёсах океанского побережья. Но она упрямо не желала сбросить оставшийся цвет и завязь, а я так же упрямо ей помогала.

Весь обнажённый до древесины ствол обмазала садовым варом и обернула кругом в три слоя белой гладкой бумагой для машинки, которую привязала шпагатом. Яблок за четыре года, и достаточно крупных, она уродила много.

Весной тысяча девятьсот восемьдесят четвёртого года цвета на ней было больше, чем листьев. Мы с Улей её перевязали во второй раз и увидели, что мост коры стал шириной в большую ладонь и выглядит мощным выгнутом наплывом. Только пакостница чужая ворона всё делает окошечки на бумаге — ищет, что мы там спрятали.

А мельбочка возле крыльца, точно так же забинтованная, вызывала общее весёлое любопытство и одобрение, когда стояла с одной

протянутой рукой — веткой и одним почти голым, спиленным сверху сучком, глядящим вверх. На ней поспевало тридцать шесть румяных яблок. Они были нежные и сладкие, хотя гораздо мельче обычного: до зимы тысяча девятьсот семьдесят девятого года на ней бывали яблоки величиной с алма-атинский апорт. Девчонка в повязке выше половины роста к осени выгнала из своих обломков ещё несколько веток. На следующий год, когда все яблони отдыхали, она сама сделала себе настоящую крону.

Много ещё забот было с этой яблонькой. Опять мазала кистью растопленным садовым варом всю голизну и обвязывала белой плотной бумагой. Опоздала срезать макушку кроны — торопится расти, а ветви все усыпаны цветом. Погода ненадёжная: то жарко, то на грани заморозка. Единственный дождь, зарядивший зато на сутки, ночью хлестал ливнем только при плюс трёх. Холодный!.. Но почки, все отчего-то ярко-красные, дождавшись опять тепла, распускаются крупными фонариками, как цветы персика, а потом развёртываются во всей красе-белизне.

Говорят, надо снимать цвет с больных яблонь. А если они не хотят того, а просят, ждут, чтобы их лечили и подкармливали, хотят ещё покрасоваться?

Говорят, надо вырезать лишний цвет и лишнюю завязь. Конечно, яблоки будут крупнее. Но как это на старости лет мне тянуться на высоту и обрезать завязь?

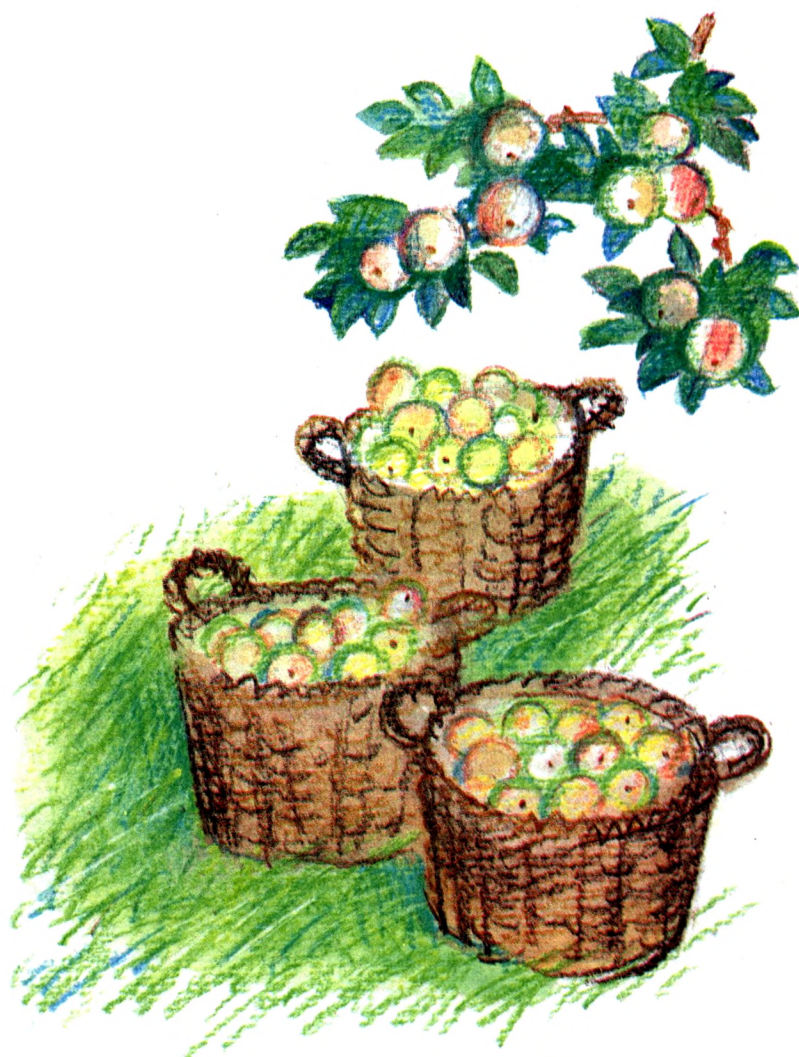
Старая грушовка, которую не могут обобрать ни налетающие через забор мальчишки (пусть тащат, лишь бы не ломали), ни мы сами, нынче со своими красными фонариками-бутонами, пробрызнувшими уже по всему дереву белоснежными звёздочками распускающихся цветов, выглядит экзотичным огромным южным деревом. То ли из Японии явилась, то ли из Узбекистана. Это бабушка сада. Ведь тоже, если бы послушать «добрых» советов, всё бы выкорчевали и посадили двухлеточки. Омолодили бы сад.

А если завтра опять нагрянет мороз, или гололёд начнёт раздирать деревья до основания, или мучнистая роса ударит по всем деревьям и высушит их не хуже мороза?

Не выбросили мы и заболевшую махровостью смородину, только ветки обломали да накупала я их до полусмерти в растворе коллоидной серы. Белые-белые стояли кусты, но завязь сохранили и вот уже четвёртый год цветут благополучно. Сидят они у нас без пересадок по

десять и по пятнадцать лет, только вырезаем старые побеги, просветляем, а урожаи в течение последних трёх лет, как и раньше, снимаем до двенадцати килограммов с одного куста. Хватает и родным и знакомым, и трудягам и лодырям.

А выкорчевать легко, да посеять газончик... Только для меня труднее всего — ничего не делать. Но это уж дело любителя!

ТЕТКИН БОРЬКА

В кроне сосны недалеко от дома пара ворон сделала гнездо, сложенное из крупных хворостинки и сухих веток, а на подстилку тащили всё, что подвернётся: собачью шерсть, тряпки, перья и сухую траву. Птенцов в нём они высиживали, после небольшого ремонта, каждую весну.

Папа, длинноногий, большеносый, трогательно заботился о своей жене, которую мы называли Тёткой, толстенькой, мелко шагавшей на коротеньких лапках. Когда она сидела в гнезде, он размачивал для неё в бочонке сухие горбушки, которые приносили от соседей, приглашал к дощечке, служившей столом, если мы выносили объедки, и целыми днями ходил по участку, перевёртывая в лесу и на дорожках каждый лист — подкарауливал мышей. Иногда они прогуливались дружно парочкой, вместе кормили воронят и никогда не пакостили на наших огородных грядках — никаких потрав, а ведь так приятно откусить сочный листочек у проклюнувшегося из земли огурца или подсолнуха!

И вот в таком благонаправном семействе произошло ЧП — вылупился белый воронёнок.

Мы окрестили его Борькой. Он очень быстро освоился с этим именем и являлся на свою кормушку по первому зову. Белая грудь и живот, белоснежные подкрылья и спина, только кое-где тронутая мелкими чёрными мазками, разительно отличались от чёрно-серого оперенья его двух братцев. Но родители заботились о них одинаково, будто не видели, что Борька совсем не похож на них. Стоило им заметить, что

мы оказывали ему большее внимание, как они сразу тоже решили воспользоваться этим. Раскрылась с шипением банка мясных консервов — для людей и собак подпорченное мясо опасно, — а воронам хоть бы что. Угощаю Борьку, Тётка тоже лезет взять прямо из рук, а папа стремится опередить их обоих и на своих длинных ногах, выпятив грудь, встаёт, как лист перед травой, выставив большой нос. Машу на него рукой, почти отталкиваю — никакого страха. Не отступает, и на лице, если можно так сказать, выражается важность: «Ведь я — отец!»

— Нет, ты наглец! — говорю ему. — Пусти детёныша!

Налетели тут и сороки. И однажды я, приняв Борьку за белогрудую сороку, замахнулась на него палкой. Он расстроился: сел на сучок, нахохлился, и я тоже расстроилась. Но как только позвала его — сразу прилетел, и мы помирились.

Когда воронята стали на крыло, родители взяли их с собой в места

сборищ, чтобы представить сородичам. Но среди дня возвратились домой, сопровождаемые огромной стаей. Расселись все по деревьям и подняли страшный гвалт. Похоже, обвиняли Тётку: она так и подпрыгивала на сучке, громко вскрикивала, как будто заявляла: не виновата! Не виновата!

Борька сидел на кормушке — дощечке, лежавшей на брёвнах, сердитый, растопорщенный, перья на нём были помятые. Когда смотрины закончились, он в первый раз стал гнать родителей с кормушки. Потом семья зажила по-прежнему. Молодые ещё долго гонялись за родителями и, как маленькие птенчики, распустив крылья и открыв широкие рты, требовали корма. К осени с ними остался один Борька. И вдруг около него появилась молодая подружка, стройная, с чёрной гладенькой головкой и нагрудничком, клюв, крылья и хвост — тоже чёрные, а всё туловище серое. И ходила она будто в чёрных сапожках, кокетливо переступая тоненькими ногами. Подходя вместе с ним по дощечке, она доверчиво, но и пытливо всматривалась в моё лицо глазками-смородинками, словно спрашивала: «А ты меня не обидишь?»

Надобно сказать, что при посторонних эти птицы не слетают вниз и не берут корм. Когда мы впервые положили его на дощечку, то вороны несколько дней обходили её кругами, не решаясь даже наступить на неё. Зато, привыкнув, осмелели — готовы на голову сесть.

Когда уже падал лист, всё семейство, вместе с Борькиной подружкой, собралось вместе и опять улетело в места общих кормёжек на свалках. Вечером на кормушку явилась одна молодая ворона.

— Где Борька?

Она, конечно, не ответила, а набрала в клюв крошек и взлетела на густолапую большую ель. Так и повелось: Борька забился в эту густерню, а она его кормила. Мы вспомнили, каким помятым он вернулся после первого «выезда в свет», и поняли, что его опять, но очень сильно там потрепали.

Только через неделю Борька спустился на кормушку. Он так хромал, что с трудом передвигался, а маховые перья из белых его крыльев, похожих теперь на растопыренные пальцы, были выдерганы наполовину. Хвост тоже поредел.

— Вот поганки, целой стаей так напали на одного, а почему? Не понравилось, что не похож на них. Какая нетерпимость и завистливость!

Надо представить, как они навалились со всех сторон, стараясь общипать его догола. Хорошо, что вырвался и улетел. Вот и ногу чуть не выдернули!

Больше наша парочка никуда не улетала, перезимовав на участке, а весной заняла родительское гнездо. Тётка с мужем больше не появлялись. Дети у Борьки выводились как обычные чёрно-серые вороны, но все с ярко-белыми отметинами то на горле, то на крыльях. А через несколько лет он исчез по примеру своих родителей, и только белые пятнышки в оперении наследников до сих пор напоминают о нашем красавце. Хотя стая его не приняла, но верная подружка не изменила ему и помогла пережить тяжёлое время.

КАК Я БЫЛА ДОКТОРОМ

У нас долго жила простая кошечка Белянка, с гладкой шерстью, но пушистым хвостом, украшенным поперечными чёрными полосами. Она усердно ловила мышей, причём приносила их и с улицы, и по ночам раскладывала на полу в коридоре, хвалясь своими трофеями. Добывала иногда и кротов, крепко досаждавших нам в огороде, пока мы не завели кротоловку. Этих большелапых землекопов она бросала возле крыльца, считая добычей второго сорта. Очень любила гулять с моей больной матерью по дорожкам. Шла всегда, подняв трубой свой красивый хвост: знай, мол, наших! А заслышав шаги людей за оградой или лай чужих собак, приподнималась на дыбки и смешно рычала, словно собачонка. Свою последнюю дочку, серую пушистую Лапку, с таким же розовым носиком и красивым белоснежным нагрудником, она нежно опекала, хотя та уже имела своих детей. Когда её шутя толкнули в сугроб, Белянка бросилась на «обидчика», вцепившись когтями в его шубу. Прыжок этот был очень сильный и высокий — дублёнку на груди пришлось заштопать.

Появление в доме Цеци, чудной четырёхмесячной шотландской овчарки, Белянка опротестовала бурно. Пришлось её отшлёпать для наведения порядка. Тогда она внешне смирилась, выражая свою неприязнь лишь тем, что демонстративно покидала комнату, если входила Цеци, и её сердило то, что Лапка играла с доброй, весёлой колли. Сама она прогоняла со двора даже немецких овчарок, увязавшихся за хозяевами. Верная своим замашкам, Белянка попыталась втянуть дочку в необъявленную войну. Я видела, как она возле кухни, между

четырёх цветочных клумб, буйно заросших зелёным пыреем, высокими лилиями, синими колокольчиками и пышными нежными кашками дальневосточных лугов, подговаривала Лапку к нападению. Разойдясь в стороны, они коварно затаились в засаде среди клумб. Уже взрослая Цеци, ничего не подозревая, подбегала к кухне, и вдруг с тыла и фланга на неё всерьёз набросились кошки. Цеци сначала опешила — она не испытывала к ним никакой вражды, но нападение вынуждало к защите. Одним ловким ударом лапы она перебросила Белянку через клумбу, а сразу струсившую её союзницу поддела под живот длинной мордой и закинула в цветущие травы. И всё это без лая и рычания, не прибегая к укусам. Просто мирный разгон маленьких агрессоров.

Пришлось Белянке покориться. Но вскоре с нею произошло несчастье. Рано утром послышалось хриплое громкое мяуканье. Я сразу вскочила с постели — и вниз. У лестницы стояла кошка, отчаянно взывая о помощи. Мордочка у неё осунулась, щёки втянулись.

— Что с тобой, Беляночка? — Не разобравшись спросонья, я взяла её обеими руками и сразу ощутила на ладонях что-то липкое, вязкое.

Смола! Вся грудь, живот, бока, хвост и лапы белоснежной кошечки покрыты чёрным вязким слоем. Сбежалось всё женское население дачи. Оказывается, Белянка, увлечшись ловлей птиц, упала в бочку, врытую под орешником. В ней находилась протрава для брёвен, приготовленных для постройки дачи. Смола, да ещё с ядохимикатами... Как снять её с густого, уже насквозь пропитанного меха?..

— Надо пристрелить кошку, — изрекли подросшие мужчины, и даже моя мать согласилась с этим приговором:

— Что ей мучиться? Нечего зря тянуть.

— Ох, какие вы скорые! Так сразу и пристрелить! Я попробую отмыть.

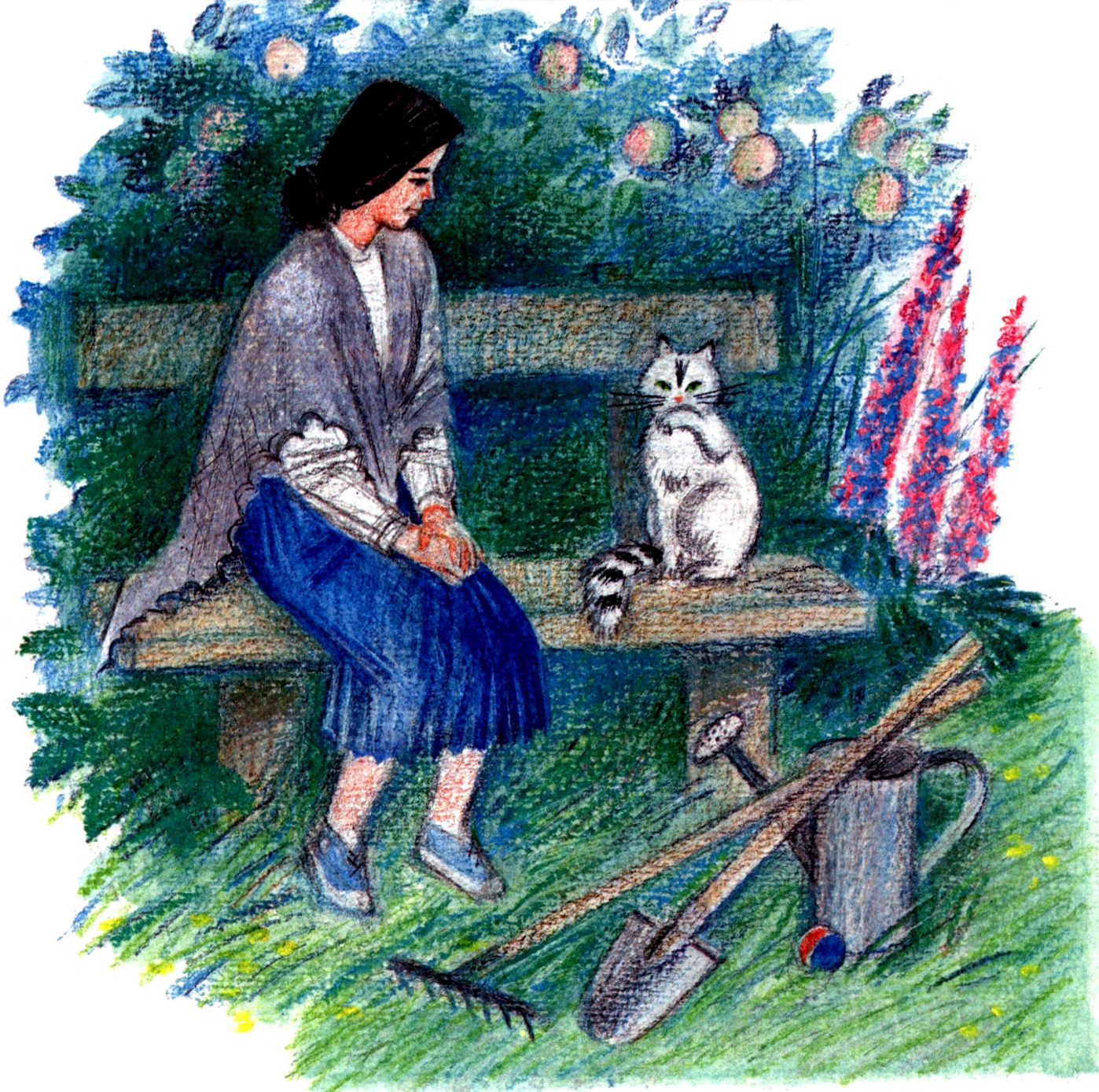
Поддержала меня одна Уля.

Мы налили в тазик керосину и посадили в него отчаянно сопротивлявшуюся Белянку. Когда я прямо руками стала смывать смолу, кошка притихла, ощутив, что освобождается от вязкой, едучей массы.

Она была обожжена этой ядовитой смесью да ещё керосином, и мы, сняв смолу, устроили ей ванночку из постного масла.

Вытерев тряпками, поставили кошку на табуретку и растерялись: вся её белая шерстка была теперь собрана в мелкие жёлтые и влажные пучочки. Как быть дальше? По комнате ей ходить нельзя. Главное — она не смогла облизываться и умываться, как обычно...

— Давай унесём в предбанник, устроим там, и я буду каждый день смазывать её постным маслом.

Так и пошло: ежедневно я смазывала кошку с помощью большого куриного пера подсолнечным маслом. Она плохо ела, не облизывалась, печально, хрипло мяукала. Примерно через неделю вся шерсть с неё

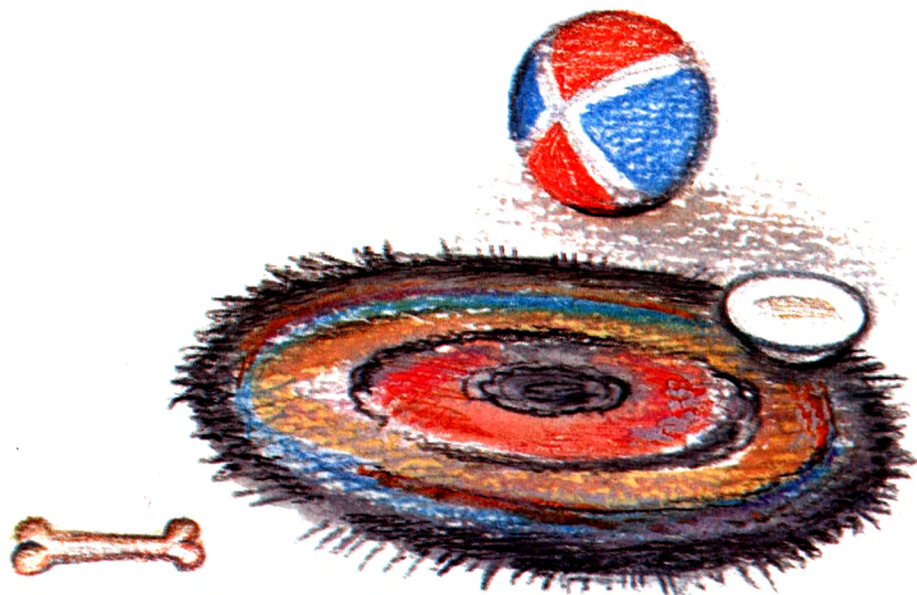
слезла, и она стала похожа на ободранного красного зайца — казалось, на ней и кожи не было. Вид ужасный, и мы с Улей больше всего заботились о том, чтобы она не убежала к соседям. Всё-таки кто-то из домашних, полюбопытствовав взглянуть на неё, испугался и оставил дверь в баню открытой.

Я успела подбежать вовремя, когда кошка уже забралась на забор, чтобы спрыгнуть на соседний участок. Вот был бы переполох! После того мы поместили её в сарае, где было прохладнее, и заперли на замок. Нас обнадеживало то, что Белянка стала больше пить молока и лучше есть. Но она всё ещё не облизывалась, и я решила делать ей тёплый душ из лейки. Сначала приходилось её держать под струйками воды. Но однажды, когда она, став на задние лапки, упёрлась передними в стену, чтобы отскочить в сторону, а я поливала из лейки на её плечики, она замедлила — должно быть, ощутила приятность душа — и так простояла на дыбках, пока не вылилась вся вода.

И как мы обрадовались с Улей, когда наша бедная Белянка, выйдя на сухое место, села и вдруг начала облизывать свои мокрые лапы, и хвост, и голые бока. Значит, смылся наконец запах химикатов, смолы и керосина. Теперь кошка только и занималась тем, что пила да ела, облизывала себя со всех сторон и мыла лапками мордочку.

Дня через два-три после памятного душа на её всё ещё красной коже появилось что-то вроде налёта плесени, а ещё через несколько дней эта «плесень» превратилась в белоснежную густую шёрстку и на хвосте снова чётко обозначились чёрные — лесенкой — полосочки.

С каким торжеством вошла опять в дом наша Белянка, как ласкалась ко всем и играла с Лапкой. Развалясь на своей подстилке, она даже позволила Цези обнюхать её новый наряд, и в прижмуренных ярко-зелёных кошачьих глазах светились весёлые огоньки.

ЧИСТОКРОВНАЯ ДВОРНЯЖКА ЛАПКА

Наш шофёр, очень славный человек, привёз нам от знакомого лесника дворняжку. Она выглядела внушительно в свои два месяца: белой масти с бурыми подпалинами, крупноголовая, толстая, больше-лапая, походка вразвалочку — ни дать ни взять щенок кавказского волкодава.

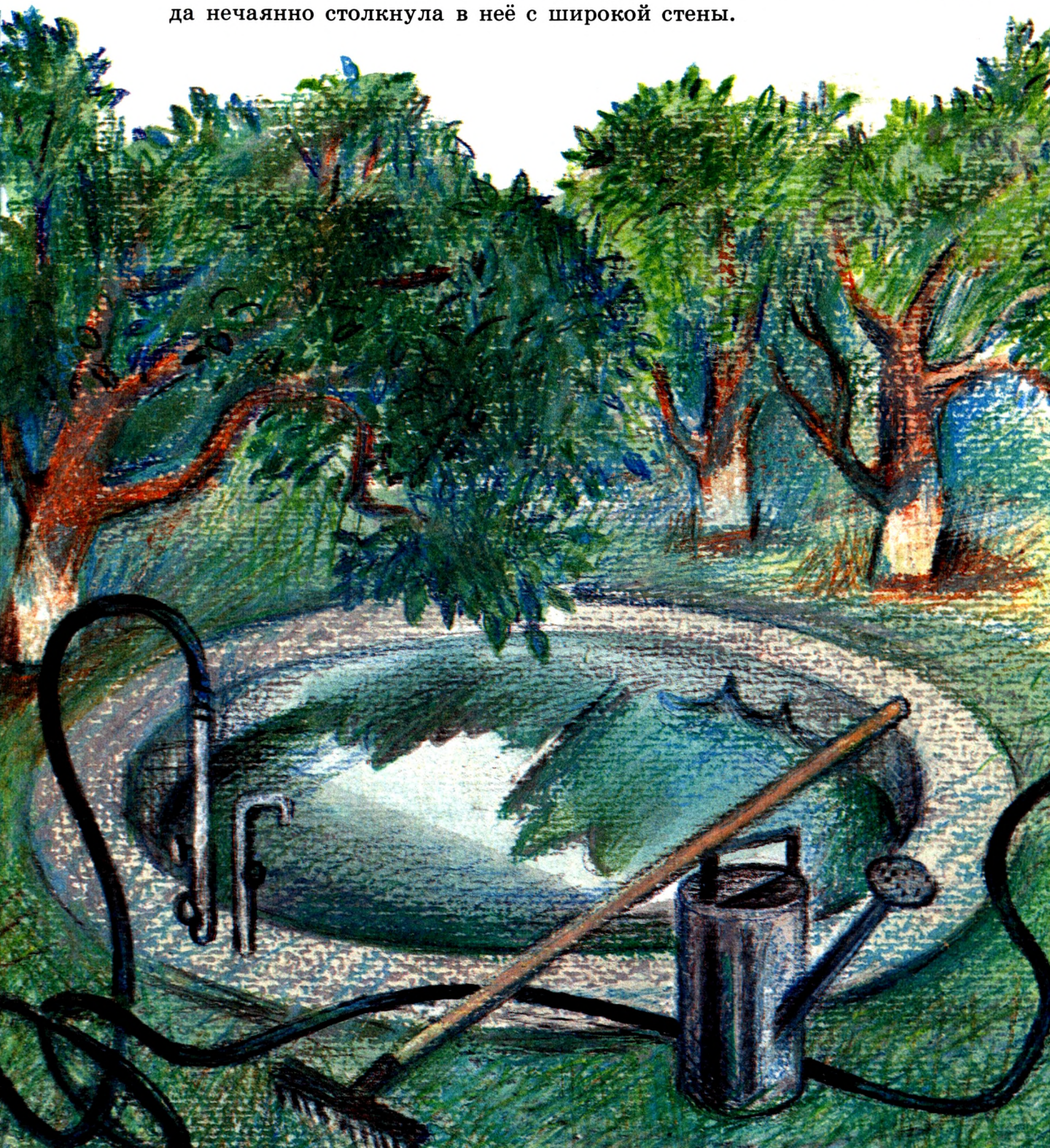
При встрече с нашим Скифлом, шотландской овчаркой, она пришла в восторг — такая гора живой шерсти! Встав на дыбки, она обнимала его за шею, носилась вокруг, проскакивая под его животом, тянула зубами за гриву. А он только ласково щурился, терпеливо перенося её ребяческие шалости.

Но этот весёлый щенок, незаметно выровнявшись в ладную, сравнительно маленькую собачку с простым именем Лапка, оказался очень сварливым по характеру. Она не разрешала Скифлу пить не только из своей миски, но и из общего ведра, решительно оттирая его в сторону, не подпускала его к игрушкам и даже меня цапнула за палец, когда лежала среди трёх мячей, подгребая их все к себе.

— Ах ты жаднюга! — сказала я ей, стряхнув капельку крови.

Она и не подумала оправдываться, а в тот же день устроила ещё лучше того. Мы работали в саду. Она прибежала очень возбуждённая, однако никуда нас не позвала, как, бывало, Цези. И мы продолжали спокойно работать. Но вдруг явился Скифл, промокший с головы до кончика хвоста. Вода лилась с него ручьями. Сразу поняв, в чём дело, мы бросились к бассейну, он был не полон, но волна в нём так и ходила,

так и раскачивалась доверху из края в край. Как умудрился Скифл выскочить из него? Разве что на поднятой им волне? Это трудно представить. А как свалился туда — гадать не приходилось. Потянулся, чтобы напиться, а Лапка хотела оттереть его и от этой большой воды, да нечаянно столкнула в неё с широкой стены.

Ну что с глупой взять?! А ведь мы не сразу догадались бы искать Скифла в бассейне, и сколько он мог продержаться на плаву в воде, ледяной под тенью деревьев?

У Лапки плохой характер. Да, что ни собака — то характер! У этой главная черта — сварливость. Две будки у крыльца — рядом. Лапка

лежит в одной и рычит на Скифла, когда он лезет в свою. Это уже не жадность, а привередливость. Пришлось поставить ей в стороне роскошную клетку Скифла, в которой его привезли из Англии. Она устроилась там, а щенят от него принесла в вольере. Среди них были похожие на Скифла и почти с белыми кончиками хвостов. Но по виду настоящие дворняжки. Оставили двух по заказу знакомых. Толстые увальни, которым, едва они прозрели, не хватило материнского молока, быстро ориентировались в обстановке и, обгоняя друг друга, спешили на крыльцо кухни — требовать добавки. Наедятся крошек с молоком — и спать на ступеньках вверх животиком, развесив короткие лапки.

Скифл встречал их приветливо, но он был уже стар, и мы взяли его сына от чистопородной колли. Светлый Рам-Лиман, попросту Лимашка, порхал во дворе, как бабочка, а дома полюбил спать на скамеечке для ног — низенькой и широкой. Разбежится, всем пузиком шлёпнется на неё да так и уснёт, свесив на пол голову и лапы.

Лапка отнеслась к нему очень благосклонно, хотя рычала и на него, а старого Скифла почти возненавидела.

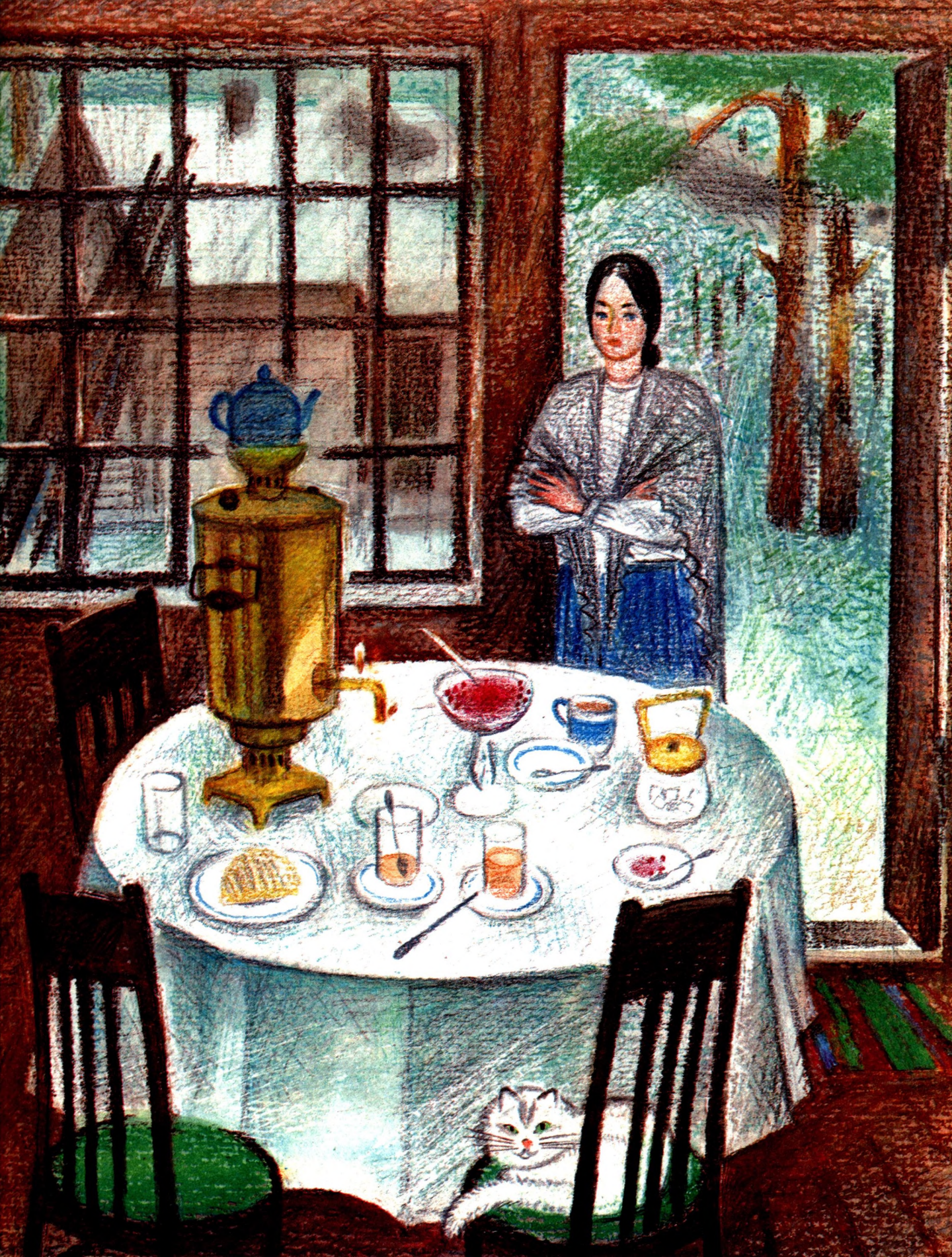
— Зачем нам три собаки? — сказала Уля. — Скифл ещё поживёт, с Лимашкой они дружат. Давайте отдадим обратно Лапку лесникам — тёте Шуре и Алексею Петровичу. У них нынче Лапкина мать пропала.

Сказано — сделано. Алексей Петрович Филиппов явился из своей соседней лесной деревни Масловки по первому зову, и я из рук в руки передала ему поводок Лапки. То ли она поняла, какой это чудный человек, наш дорогой дядя Лёня, лучший лесник района, всю жизнь отдавший лесу, то ли вспомнила его — хозяина своего детства, но она сразу, покорясь судьбе, пошла с ним, не оглядываясь.

На участке у нас стало спокойно. Но странно, образовалась какая-то пустота. Всем не хватало Лапки, деятельной, чуткой сторожихи. Ночью собаки и не взлаiali. Они тоже заскучали по своей диктаторше. На другой день стало ещё хуже, и мы с Улей поссорились из-за пустяков. После обеда она, не глядя на меня, сказала:

— Пойдёмте в Масловку. Пока они к ней не привыкли... Заберём Лапочку обратно.

Уговаривать меня было не нужно, и вот мы шагаем по шоссе среди дремучего соснового бора в Масловку. Всё-таки нам совестно перед лесниками, с которыми у нас давняя тёплая дружба, и мы несём им гостинцы.

Лапка на нас и не гавкнула. Она сидела на цепи в материнской будке. Вылезла, равнодушно посмотрела на нас и ушла обратно. Мордочка у неё была помятая, точно заплаканная, глаза почему-то стали маленькие, а шерсть на шее скаталась — видно, она всю ночь старалась сбросить ошейник. Мы позвали её. Она молчком, щурясь, выглянула, угощенья не взяла и тотчас скрылась. Мы были для неё предателями.

А лесники встретили нас, как всегда, с сердечным радушием.

— Хорошая какая собачка! — сказала тётя Шура, хлопотливо накрывая на стол. — Только пришла с Петровичем и уже никого ни в дом, ни во двор не пускает.

— Тётя Шура, а мы пришли за ней. Без неё нам скучно.

Добрые наши старики так и покатались от смеха.

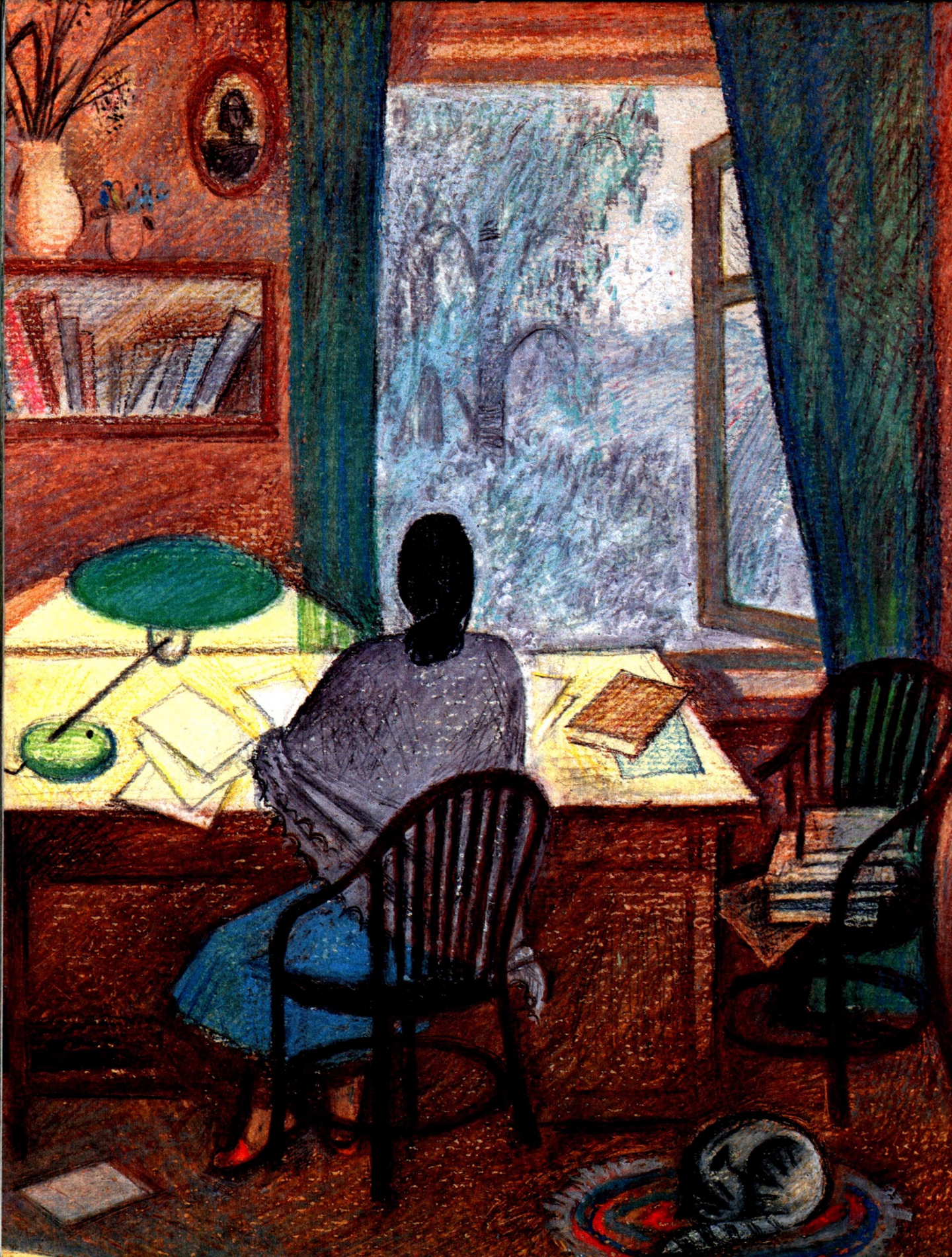
— Другому бы не отдали, — сказала тётя Шура. — А вам придётся уступить.

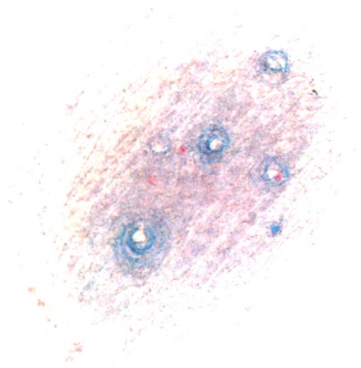
Что творилось с Лапкой, когда мы снимали с неё ошейник с цепью! Она скулила, визжала от счастья, бросалась то к Уле, то ко мне, норо-

вила лизнуть в лицо, тыкалась мордой куда попало. Лесники смотрели на нас и тоже радовались, оба плотненькие, ещё крепкие, такие же чистенькие, как весь лес на участке дяди Лёни. После его ухоженных боров и ельников в Масловке наши леса возле Николиной всегда удивляли обилием мрачного бурелома и гниющего валежника. Недаром все ягодники и грибники из «Сосен» шли в масловские леса. У дяди Лёни и земляника, и черника, и даже необыкновенно вкусные осенние грибы — зеленушки водились во множестве. Недаром его восьмидесятилетие так торжественно отмечалось в лесничестве! С тётей Шурой они жили душа в душу.

Пообещав им лучшего щенка от Лапки и Скифла, а может быть, от Лимана, мы с Ульяной Васильевной с лёгким сердцем возвращались домой. Наша приьерада весело бежала на поводке впереди, обнюхивала дорогу, виляла хвостом, ласково поглядывала на нас. А нам было и немножко стыдно, и смешно, и как-то по-детски радостно.

СОЛИСТ

Три часа ночи, но за окном светает... Первое июня. В Ленинграде белые ночи, а здесь, в Подмосковье, сероватые прозрачные сумерки.

Птицы уже проснулись — их трудовой день начался: требуют еды прожорливые птенцы! А мне пора спать — моя ночная вахта у письменного стола кончилась. Можно сразу бухнуться в постель и спать, спать. А можно ещё выйти на балкон послушать птиц, посмотреть, как розовеет утренняя зорька среди тёмных гор — сосен и навалов еловых лап.

В полусонное уже раздумье вдруг врывается гудок, похожий на зов мощной серебряной трубы. Неслыханно! Что это? Заводов и железных дорог нет ближе пятнадцати километров... Тревога? Но почему так красиво звучит?

Выскакиваю на балкон. Да вся окрестность звенит: «Ту-у-ту-у-у». Заливисто и нежно. И небо, блёкло-голубое с ледянистыми кристалликами звёзд, и проснувшийся лес, и облако, как дымчато-белая корона над соснами, — всё пронизано звенящим слитным «ту-у-у-у». Между соснами на большой поляне яблони сада распушились полным листом после цветения, а в зарослях черёмухи у дороги, совсем близко, вступил в органное пение труб соловей. Соловьиное пение слышится со всех сторон, но когда звучно защёлкает, засвистит, даст переливчатую трель, как бы пробуя различные вариации, голос солиста, разительно выделяясь на фоне многоголосого птичьего хора, смолкают, прислушиваясь, один за другим соловьи, тише, но так же мелодично начинают

петь остальные птицы. Я уже отметила этого певца — обычно он выступает часом позже, — и я со всей обострённостью слуха, создаваемой тишиной лесной берлоги, просыпаюсь и слушаю.

Сегодня он запел раньше: должно быть, звучание серебряных труб растревожило, пробудило его запеть. «Ту-у-у-у» несётся и с начинающего розоветь неба, и из тёмной чащи леса, и, согласуясь с этим аккомпанементом и вторя ему, поёт в лесу каждый куст и каждая ветка, славя жизнь и радость влюблённых в неё крохотных певцов. И в этой дивной лесной симфонии снова выделяется чистой глубиной и силой звучания звонкоголосая и страстная песня соловья-солиста.

Какие чувства волнуют его, заставляя чаще биться сердца слушателей? Не зря ведь так осмысленно звучит его пенье! Вслушиваясь, как он легко переходит, беря любые высоты, от одной вариации к другой, так мастерски, отточенно и всё с тем же глубоким чувством исполняя их, что язык не повернётся называть их «коленцами», я вдруг улавливаю, что трубы органа стихают и из серебряно-трубного их гудения явственно выступает: «Ку-ку-у, ку-ку-у...» Кукушки! Этот небывало звучный, сплошной серебряный звон — всего-навсего слитный хор кукушечьих голосов? Вся жизнь — три четверти столетия в тайге и

в лесу, и никогда, даже в Якутии, не слыхала ничего подобного. Что там за сборище такое необычайное? По какому случаю торжество? Никто бы не понял вначале, что это кукушки. «Ку-ку-у-у» — и, словно залиvistый и нежный гудок, всё шире, мощнее, звонче «Ту-у-у-у-у! Ту-у-у-у!».

По-настоящему потрясённая, даже упускаю соловьиную песню. Или он уже закончил своё выступление?

А воздух свежий, холодный, крепкий, без настоя запахов трав, листьев и хвои, покрытых обильной росой. Чистейший воздух нетропутого леса, напоённый теперь лишь обычным звоном птичьих голосов. Совсем рассвело. Настал заветный час, и все соловьиные громы и раскаты прорезало одно отчётливое: «Чок-чок». Прочистил снова горлышко и, заставляя всех умолкнуть, запел опять самозабвенно соловей-солист. Теперь все певцы ближнего леса, отдыхая, внимали только ему. И я стою, босая, озябнув, в лёгоньком халате, и слушаю, слушаю, сожалея лишь о том, что не смогу поделиться ни с кем этим

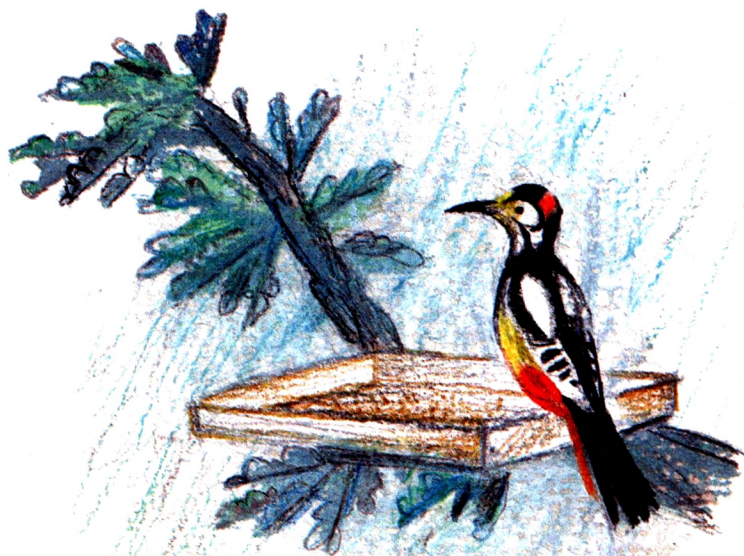

необыкновенным удовольствием: ни записать, ни воспроизвести. Человек тут беспомощен.

Легла в постель, и вдруг с другой стороны дома, где кормушки на дубе, раздался хрипловатый голос, что-то вроде соловьиного щёлканья и чмоканья. Просто пародия на нашего солиста. Кто же это?

Иду к окну, над кормушкой сидит дятлиха в чёрном платочке и красном фартуке. Чёрные крылья с белым горохом на маховых перьях припущены. Неужели она? Да, сидит, словно замороженная, потом снова пробует щёлкать, как соловей. Ну не чудеса ли?! Прилетела за кормом, заслушалась, влюбилась и теперь сама пытается запеть по-соловьиному. Кто бы сказал, не поверила. И в подтверждение — догадка: с ближней опушки доносится ворчание дятла. Может быть, он подменил её в гнезде, отпустил подкормиться, а она запропала, и на тебе — занялась подражанием знаменитому не только в птичьем мире певцу. Что ж, бывает! Увлёклась, милая, но муж сердится, и она встрепелась, словно вздохнув, стыдливо юркнула под ветку. А чего стыдиться — все очарованы!

СОДЕРЖАНИЕ

Огненное око	3
Кедровка	9
Улетай, Петя!	11
Мои девчонки	15
Тёткин Борька	23
Как я была доктором	29
Чистокровная дворняжка Лапка	35
Солист	43

скач Larisa_F

